

— НЕСКОЛЬКО лет назад нашу библиотеку обворовали. Украсили японский телевизор и видеомангифон. А рядом с аппаратурой лежала Библия Острог, изданная первопечатником Иваном Федоровым в 1581 году. Ее стоимость в пять раз выше такого телевизора. К счастью, воры оказались дилетантами, и бесценная реликвия осталась на месте. — рассказывая эту историю, хранительница фонда редкой книги областной научной библиотеки И. Шашкова достала с полки Библию Острог, добавив при этом, что книга — самая древняя из имеющихся в фонде библиотеки.

Все-таки есть что-то завораживающее в древних фолиантах. На темной кожаной обложке этой увесистой (килограммов на пять — точно) книги еще просматривается живописный орнамент. Растегнув две позолоченные застежки, листаю страницы.

Сколько людей раскрывало прежде эту книгу, размышляло над ней, искало ответы на вопросы. Сердце переполняется благодарностью тем, кто сохранил ее, не дал сгнить, донес через столетия до наших дней.

Потемневшая от времени, Библия тем не менее очень неплохо сохранилась. Чьи это были, а умели наши предки делать книги так, что им не страшны века. Не в пример некоторым нынешним печатным «творениям», рассыпающимся еще до того, как прочитаны.

— А почему она так называется — Библия Острог? — интересуюсь у Ирины Юрьевны.

— Дело в том, что когда под влиянием церковников Ивана Федорова выжили из Киева, первопечатника приютил князь Острог, — говорит моя собеседница. — Но с условием, чтобы в названиях всей печатной продукции в дальнейшем присутствовала его фамилия. Честолюбив, видимо, был князь и, понимая, какое будущее ждет детище Федорова, желал увековечить себя. Надо признать, это ему удалось. Впрочем, хорошо, что князь Острог поддержал первопечатника в трудное для него время.

...Честно говоря, посещение святой святых библиотеки — ее редкого фонда — изменило мои представления о подобном роде книжных хранилищах: всего-навсего две небольшие комнатки под замками. Ни тебе пыли веков, которую надо бы сдуть, дабы прочитать названия книг, ни старушки-книжницы, корящейся над бесценными печатными сокровищами. Ирина Юрьевна Шашкова, приятная средних лет женщина, помогла познакомиться с тем, что большинству сахалинцев недоступно, но, надеюсь, небезынтересно, ведь редкие книги — богатство нашей области наряду с лесом, шельфом и прочими материальными ценностями.

РЕДКИМИ книгами специалисты в нашей стране считают рукописи и печатные издания — от глубокой древности до 1941 года. В Великую Отечественную книги практически не издавались. Выпускались лишь пропагандистская и обучающего характера печатная продукция — «книжечки бойца», к примеру.

Все, что издается с 1946 года и по настоящее время, считается современной литературой.

Среди наиболее ценных древних книг, помимо Библии Острог, в нашей библиотеке есть «Арифметика» Д. Магницкого и «Грамматика» М. Смотрицкого, последнюю Ломоносов называл «вратами учености». Уникально и собрание журналов,

каким считается молодой. Сам фонд начали создавать несколько позже: лишние экземпляры безвозмездно передали александровско-сахалинская библиотека, Ленинская (Москва), что-то покупали у частных коллекционеров. Надо учесть, что до семидесятих годов редкие книги не пропагандировались, привычных нам сейчас выставок не было.

столько уж, чтобы душа, что называется, уходила в пятки. Иначе бы замазывал тушью так, что букв не разберешь, или попросту выдрал бы страницу. То есть по степени, извините, кастрации книги можно судить о размерах чувства страха бывшего ее владельца.

Хуже, конечно, пришлось библиотечным книгам по сравнению с частными коллек-

тели, видимо, проследить по аналогии развитие экономической ситуации в стране. Странно, но накануне президентских выборов читатели брали нередко произведения Ленина.

Кстати, поначалу тексты с твердым знаком на конце слов воспринимаются трудно, но потом привыкаешь и читается легко. Конечно, книги фонда довольно специфичны и гораздо менее популярны, чем других отделов библиотеки. А кроме того, имеющийся фонд еще досконально не изучен и полностью не отражен в читательском каталоге, поскольку целенаправленно этой работой в библиотеке занимаются лишь третий год. То есть читатели пока не имеют полного представления о хранящихся редкой книги. Поэтому в фойе библиотеки и в зале каталогов периодически устраивают выставки.

Сейчас действует выставка, посвященная Ивану Сытину, очень много сделавшему для становления книжного дела в России. В 1913 году его типографии давали четверть всей печатной продукции страны. Сытин за короткий срок сколотил миллионное состояние за счет дешевых (по стоимости, а не по содержанию) книг.

Кстати, в коллекции известного сахалинского книголюбца Г. Песачинского (которая была завещана областной библиотеке) есть книжка о Сытине, выпущенная к его 50-летию тиражом всего в пятьсот экземпляров. Это действительно редкое издание. В книге писатели, художники (среди которых Чехов, Горький, Врубель) рассказали о своих впечатлениях от работы, общения с известным книгоиздателем.

— Душа болит из-за того, что две тысячи книг — дар Г. Песачинского библиотеке — из-за отсутствия места лежит на столах столками, — говорит И. Шашкова. — Но, с другой стороны, коллекцию нельзя разбивать, отдав, к примеру, часть в другой отдел.

А еще Ирине Юрьевне очень жаль, что из-за отсутствия места в хранилище не вся литература, достойная находиться в редком фонде, туда попадает. К примеру, двухсоттомник «Библиотека всемирной литературы», который сейчас находится в общем фонде, должен бы быть в редком уже потому, что в нем есть произведения, которые вряд ли когда-нибудь будут еще напечатаны (их переводили с иностранных языков специально для этого издания). А во-вторых, редчайший случай, чтобы книги одной серии издавались в таком огромном количестве.

— Сколько стоят сегодня редкие книги? — интересуюсь у И. Шашковой.

Пожав плечами, Ирина Юрьевна признается: «Не знаю». Из Министерства культуры попросили снять на видеоопенку имеющиеся в библиотеке редкие книги, оценить их в долларах.

— А я не имею представления, сколько они в рублях стоят, — продолжает моя собеседница. — Затрудняюсь сказать, какая сейчас цена у той же Библии Острог. Надеюсь, что московские коллеги все-таки откликнутся на неоднократные наши просьбы помочь сорисничаться с ценами.

О. АТАЧКИНА.

Дошедшие до нас через столетия...

изданных до октябрьской революции, — «Русская мысль», «Отечественные записки», «Телескоп».

Кстати, об «Арифметике». Открывая первый в России Петербургский университет, Петр I назначил Магницкого преподавателем. Тот, помимо непосредственных обязанностей, писал для своих студентов учебники. Один из них и хранится в нашей библиотеке. Любопытно, что эта самая «Арифметика» оказалась полезной нынешним студентам. Преподаватель пединститута привел как-то своих девочек в библиотеку для знакомства со старинными книгами. И что вы думаете? Студентки (они как раз собирались выходить на практику в школы) стали выписывать отсюда задачки, рассуждая о том, что детям это должно быть интересно. Современные учебники по математике порой написаны так, что и взрослые не сразу поймут, что к чему, не говоря уже о школьниках. В «Арифметике» же Магницкого все изложено просто и доступно.

А вот еще одно прелюбопытное издание — пятитомник «Полная иллюстрированная история русско-японской войны», который императорская академия наук начала выпускать в 1903 году, сразу же после начала войны. Здесь не только анализируются ее причины, но и подробно описываются тайные пружины и механизмы, приведшие к боевым действиям в этом регионе. Один из томов полностью посвящен участникам сражений — от солдат и сестер милосердия до командиров. В книге есть фотографии каждого (!) человека и краткие о нем сведения. Фотографии, рисунки боевых действий и вообще военной жизни делают это издание чрезвычайно интересным.

Перелистывая его, невольно вспомнила о нынешних чеченских событиях. Где уж тут имена и фотографии участников войны — дикторы скорогоговоркой вещают с телескрена о погибших и раненых, в то время как сердце каждой матери сжимает тревога: не мой ли сын? Узнаем ли мы когда-нибудь подлинную правду о тайных и явных пружинах этой войны?

САХАЛИНСКИЙ фонд редкой книги довольно скромен, поскольку библиотека, которая в будущем году отметит свое 50-летие, по общепринятым мер-

С тех пор как библиотекам разрешили продавать книги, о бесплатном их приобретении у коллег не идет и речи. И тем не менее сегодня в областном редком фонде есть прижизненные издания Льва Толстого, знаменитых историков 18—19 веков Николая Карамзина, Василия Ключевского, старинные церковные книги, энциклопедии (самая ранняя — 1903 года издания), прижизненное (1923 года) издание статей Ленина. Все это позволяет узнать истинное развитие событий, без интерпретаций последующих редакторов. И открывает читателю интересные факты.

Возьмем хотя бы знаменитую энциклопедию И. Брокгауза и С. Эфрона, изданную в 1903 году. Несмотря на бытующее мнение об их авторстве, они были всего лишь издателями, а в создании энциклопедии участвовало огромное количество людей, судя по списку в справочном томе. Кстати, в эту энциклопедию Василий Ключевский был занесен еще при жизни — за свои уникальные способности и заслуги перед Отечеством, поскольку открыл читателям малоизвестные страницы русской истории.

Или легендарный Буденный. Семен Михайлович, оказывается, не был создателем Первой конной армии. Со своим небольшим отрядом он влился в ряды другого талантливого командира Думанского, бывшего, увы, из кулаков. Того постигла печальная участь многих расстрелянных. Буденный же, казавшийся более благонадежным из-за своего бедняцкого происхождения, в лавах славы благополучно дожил до седни. Об этом факте биографии Буденного упоминается вскользь в одной из книг, изданных еще до начала массовых репрессий в стране.

Вообще, судьбы книг очень похожи на судьбы людей. Если их нельзя уничтожить, в ход идут все средства. К примеру, в 18-м томе полного собрания сочинений Ленина залита чернилами фамилия одного из составителей И. Бухарина. Но если посмотреть через страницу на свет, то ее можно прочесть.

— Знаете, о чем это говорит? — спрашивает И. Шашкова. — О том, что бывший ее владелец побоялся, конечно, сталинского режима, но в то же время не на-

цаниями — с библиотеками «цензоры» не церемонились.

По словам Ирины Юрьевны, после более детального знакомства с первоисточниками она пришла к выводу, что цензура в царской России не идет ни в какое сравнение с той, что существовала в советское время: при царях позволялось печатать то, чего не допустила бы позднейшая цензура. Вот, к примеру, книжечка с подробным перечнем партий и движений в царской России с изложением их целей и задач («Программы политических партий в России»). Просвещайся и поддерживай чьи-то идеи. Не помешало бы и нам, скажем, накануне президентских выборов иметь что-то подобной!

ФОНД редкой книги насчитывает сегодня пятнадцать тысяч экземпляров книг. Это немного. В основном литература относится к 16—19 векам, но есть книги факсимильного и репринтного издания, а также книги-лауреаты всевозможных конкурсов и премий.

Факсимильные — это точная копия оригинала с воспроизведением потрепанных от использования страниц, рукописных пометок автора. Репринтные — чистенькие, как говорится, только с печатного станка, без отражения следов былой жизни.

Получить оригинальное издание на руки может далеко не каждый. После того как недобросовестные читатели изуродовали несколько книг, в библиотеке принято решение выдавать только копии. Иначе, по словам И. Шашковой, ничего не сохранишь. Исключения делаются для людей, имеющих ученую степень, а также студентов выпускного курса института при предъявлении ходатайства деканата о том, что есть такая необходимость. «Простой смертный», оставив в залог солидную сумму денег, также может почитать оригинал. Правда, пока такого прецедента не было. Резонен вопрос: насколько востребована сегодня редкая книга?

Конечно, трофейные издания на японском языке или книги на церковном, старославянском не имеют сегодня своего читателя. В основном люди интересуются историей войн. В перестроечное время были популярны работы И. Бердяева, а также все, что касалось становления кооперации во времена НЭПа. Хо-